

**АЛЛЮЗИВНОСТЬ РЕЧИ РЕБЁНКА В СЕРИИ РОМАНОВ
Л. СНИКЕТА «33 НЕСЧАСТЬЯ» И ЕЁ ПЕРЕДАЧА
ПРИ ПЕРЕВОДЕ**

Н. С. Зелезинская, А. В. Карпекина

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь*

e-mails: zelenew@tut.by; nastya.karpekina@yandex.ru

В статье рассматривается проблема передачи особенностей речи персонажа Солнышко романа Л. Сникета при переводе на русский язык. Автор указывает на огромное количество аллюзий в нарочито бессмысленном сочетании звуков речи малышки, с помощью которых читатель сможет лучше понять авторский замысел и в полной мере окупиться в его произведение, но которые представляют собой переводческую трудность.

Ключевые слова: роман; речь персонажа; передача речи ребенка; перевод; аллюзии; Л. Сникет.

Введение. На сегодняшний день множество произведений знаменитых авторов изобилует различного рода аллюзиями, т. е. отсылками на известное событие, историческую личность, популярную цитату или на общеизвестный факт. Романы Л. Сникета не исключение.

Основная часть. Серия романов «33 несчастья» повествует читателю об удивительных и опасных приключениях трех осиротевших детей, Вайолет, Клауса и Солнышко Бодлер, чьи судьбы решает смекалка, здравый ум и везение. Умные и отважные Вайолет и Клаус готовы рискнуть всем, чтобы добиться справедливости, только не здоровьем и благополучием трехлетки Солнышко. В силу своего возраста Солнышко не разговаривает на понятном для окружающих языке, а пользуется короткими восклицаниями, часто просто междометиями, которые понимают только брат и сестра, а для читателей автор вставляет пояснения в авторскую ремарку, например: “*Oh! She meant, “What a terrible place! I don't want to live there at all!”* [1, с. 20]. Такой «перевод» с детского на взрослый, с одной стороны, имеет юмористическую окраску, разряжая мрачную атмосферу жизни сирот, с другой стороны, дает автору возможность высказать свою оценку ситуации через речь персонажа. Так, в приведенном примере Сникет усиливает эмотивные смыслы отвращения, разочарование, негодование, обозначает нежелание ребенка оставаться в ужасном

доме, который вот-вот развалится. Помимо широкоупотребительных междометий, Солнышко пользуется более редкими и окказиональными восклицаниями, которые, действительно, требуют комментария: *"Yeeka!, which appeared to mean "How interesting!"* [1, с. 24] или *"Jook! Sunny shrieked, banging on the table with her oatmeal spoon"* [там же], Эти окказиональные восклицания представляют собой достаточно легкую задачу для переводчика, который прибегает то к аналоговому переводу ('Ого!, Вау!', 'У-у-у!'), то к транскрипции ('Йи-ика!', 'Джук!') [2, с. 28]. Здесь главное сохранить эмоциональную составляющую, поскольку в довольно юном возрасте, когда дети начинают разговаривать, они используют звуки для передачи своих эмоций. Последний вариант – джук – похоже на русское 'стук' и призвано описывать недовольство ребенка при появлении главного злодея романа – Графа Олафа.

Однако уникальность речи Солнышка заключается в неожиданно большом количестве сложных аллюзий, «спрятанных» в, казалось бы, бессмысленных звуковых наборах.

В речи Солнышко можно выделить следующие виды аллюзий:

а) Литературные аллюзии, которые представляют собой отсылку на другие литературные произведения, которые читатель сможет распознать. Например, *"Blake!" Sunny said, which meant "And the poem is written in Isadora's distinct literary style!"* [1, с. 79]. Переводчик передал данное восклицание как 'Клейк!' [2, с. 95], используя прием транскрипции, однако учитывая возраст девочки и специфичность ее речи, он заменил заглавную букву "Б" на букву "К", тем самым показывая читателям невинность ребенка и невинность ее говора. В данном случае, автор подразумевал отсылку на именитого английского поэта Уильяма Блейка и его стихотворение "Птицы", поскольку Айседора, одна из опекунов детей, использует ту же манеру рифмовки двустопицей, что и У. Блейк. Перевод не дает возможности распознать аллюзию. Рассмотрим еще один интересный пример: *"Orlando!" Sunny said, which meant "Or the one who looks like neither a man nor a woman"* [3, с. 104]. Переводчик передал данную фразу с помощью транслитерации 'Орландо!' [4, с. 130], тем самым описывая внешность увиденного ребенком человека, пол которого невоз-

можно было определить. Здесь автор использовал аллюзию на главного героя романа английской писательницы Вирджинии Вульф “Орландо”, в котором главный герой, путешествуя во времени в своих снах, проживает разные истории и даже меняет свой пол.

б) Исторические аллюзии, отсылающие к историческим событиям и фигурам. Например, *“Matahari, she said, which meant something like, “If I stay, I can spy on them and find out.”* [5, с. 289]. Транслитерация (‘Матахари’ [6, с. 311]) передает всю смысловую нагрузку данной фразы – аллюзию на известную международную шпионку во времена Второй мировой войны. Используя данное выражение, автор указывает на помощников графа, которые шпионили за сиротами все время подъема на гору.

3) «Научные» аллюзии, указывающие на связь событий романа с законами физики или на научную деятельность отдельных ученых. *“Plak-na? Sunny asked, which meant “How am I supposed to cook breakfast on the top of a freezing mountain?” but Count Olaf just gave her a nasty smile.”* [5, с. 218], где использована аллюзия на известного немецкого ученого, первооткрывателя квантовой физики, Макса Планка тем самым передавая (не)возможность приготовления еды на вершине горы. Переводчик передал выражение как ‘Плака?’ [6, с. 225] транскрипцией с учетом, как в случае с ‘Блейком’, специфики речи ребенка и неспособность понятно говорить, опустив букву ‘п’. *“Eureka”, Sunny said. She meant something along the lines of, “I’ve just realized something”* [5, с. 125]. Знаменитое выражение, переданное переводчиком аналоговым переводом ‘Эврика’ [6, с. 137], в полной мере описывающей эмоции радости и гордости девочки, которая поняла что-то важное, что поможет ей и ее брату и сестре противостоять коварным прислуг злодея. Автор здесь ссылается на древнегреческого ученого и инженера Архимеда, произнёсшего данное восклицание при открытии им одного из основных законов гидростатики.

в) Мифологические аллюзии, включающие сказочные истории о богах и героях, победах и поражениях. Например, *“Lethe? Sunny asked.”* [3, с. 238]. Автор делает отсылку на реку Лета, в древнегреческой мифологии река, протекающая в подземном царстве Аида, река забвения. Поскольку в книге автор упоминал, что лекарство для сердца из кокоса яв-

ляется снотворным, переводчик использовал грамматическую трансформацию, а именно замену существительного на глагол и передал данное выражение как ‘Усыпить?’ [4, с. 289]. Данный перевод в полной мере описывает ситуацию, но особенность речи Солнышко потеряна. В примере “*Glaucus,*” *Sunny said, which meant something like “But we can’t do that”* [5, с. 241] использована аллюзия на древнегреческого морского бога, Главка Морского, который пришел на помощь морякам, попавшим в шторм. Переводчик передал с помощью транскрипции эту фразу как ‘Глокус’ [6, с. 264], однако данный перевод не соответствует русскому аналогу имени полководца (Главк) и не может быть узнан.

Заключение. Как мы видим, речь Солнышка в романе «33 несчастья» характеризуется, во-первых, особенностями, присущими речи ребенка (согласные звуки меняются местами, предложения короткие, часто однословные, много междометий и восклицаний), во-вторых, высокой степенью аллюзивности, которая в реальной жизни не может встречаться в речи ребенка. Даже англоязычный маленький читатель, для которого написан роман, не сможет узнать большую часть культурно-исторических, мифологических и литературных отсылок, для русскоязычного читателя они тем более неясны. Однако потери не происходят, потому что Сникет сразу пересказывает идею аллюзии простым языком. Таким образом, речь Солнышка может быть воспринята на двух уровнях: на первом уровне восклицания остаются детским лепетом, на втором глубину имплицитных смыслов считывает только продвинутый читатель, взрослый и искушенный. Это говорит о возможности игры с читателем и привлечения плотного ассоциативного материала даже в детской литературе.

Данный текст ставит сложную задачу перед переводчиком. Возможно, переводчик не осознавал полностью, что аллюзии Солнышко по замыслу автора не ясны для маленького читателя оригинала, поэтому Н. Л. Рахманова стремилась их прояснить или упростить. Ряд аллюзий она не узнала или сделала неузнаваемыми даже для специалистов в области литературы. Наиболее продуктивным нам видится прием транскрип-

ции, за исключением перевода исторических имен собственных, имеющих особую традицию перевода на русский язык.

Библиографические ссылки

1. Snicket L. A series of unfortunate events. The Vile Village. London : Egmont Books Ltd., 1999.
2. Сникет Л. 33 несчастья. Гадкий городишко / пер. Н. Л. Рахманова. СПб. : Азбука-классика, 2004. 304 с.
3. Snicket L. A series of unfortunate events. The Hostile Hospital. London : Egmont Books Ltd., 2000.
4. Сникет Л. 33 несчастья. Кошмарная клиника / пер. Н. Л. Рахманова. СПб. : Азбука-классика, 2005. 288 с.
5. Snicket L. A series of unfortunate events. The Slippery Slope. London : Egmont Books Ltd., 2001.
6. Сникет Л. 33 несчастья. Скользкий склон /пер. Н. Л. Рахманова. СПб. : Азбука-классика, 2005. 416 с.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ РАЗГОВОРНО-ПРОСТОРЕЧНЫХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ ДЖ. СТЕЙНБЕКА «О МЫШАХ И ЛЮДЯХ»)

А. Ф. Шаповалова, Е. Д. Корень

*Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
e-mails: rectrix@list.ru; katerin.koren@gmail.com*

В данной статье рассматриваются средства выражения разговорно-просторечных единиц в англоязычном художественном тексте и способы их передачи на русский язык на примере повести Дж. Стейнбека «О мышах и людях». В результате проведенного анализа сделаны выводы о путях достижения адекватности и эквивалентности при передаче единиц нелитературной разговорной речи в переводе.

Ключевые слова: разговорно-просторечные единицы; просторечие; стилистически-сниженная лексика; литературная норма; экспрессивность; переводческие трансформации; стилистическая компенсация.

Введение. Художественные тексты характеризуются в стилистическом отношении многообразием языковых средств (лексических и синтаксических), в том числе и интенсивным применением элементов разговорной речи, в частности, просторечия. Передача разговорно-просторечных единиц в переводе является непростым процессом. До не-